

А. М. ЛЮБОМУДРОВ

ИНОК ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

Образ православного монашества в русской классике

Монашество — самое полное выражение сути православия. Именно монастыри воплощали истинную жизнь по евангельским заповедям, были источниками святости и благодати, хранителями догматов и канонов православной веры. Как складывались взаимоотношения русской литературы и православного монашества? Какой образ монастыря и инока предложила отечественная словесность Нового времени?

Приступая к исследованию темы, нужно обозначить один существенный момент, имеющий методологическое значение. А именно — уточнить представление о монашестве. В обыденном сознании и в секулярной культуре бытует мнение, что между миром и монастырем — глубокая пропасть. Она поддерживается и словами об *отречении от мира*. Но в действительности, в соответствии с православным воззрением, между христианином-мирянином и христианином-монахом нет принципиального различия. Свят. Иларион (Троицкий) посвятил этой теме специальную работу, где показывает, что «Идеал Христов (...) един для всех. Этот идеал — цельность душевная, свобода от страстей».¹ Монашеские обеты — не какие-то особые, но сознательное повторение данных при крещении обетов. Аскетизм, который рассматривается как «борьба против наличного состояния природы человеческой», признается необходимым и для мирян. Разница между мирским и монашеским бытием не в сущности, а в формах: при пострижении

¹ Иларион (Троицкий), архим. Единство идеала Христова // Иларион (Троицкий), архим. Христианства нет без Церкви. М., 1991. С. 117.

монах связывает себя особой дисциплиной, принимает устав и правила иноческой жизни (кстати, весьма различные в каждом монастыре). Монастырь есть лишь особая форма христианской жизни, удобная для духовного совершенствования и спасения души.²

Что означает монашеское отречение от мира? Под «міром» святые отцы понимали совокупность страстей, «плотское житие и мудрование плоти». Опираясь на Евангелие, Владыка Иларион показывает, что «отречься от мира должен всякий, кто не хочет быть во вражде с Богом, — не одни, следовательно, монахи, но все христиане».³

Если филолог разделяет эти постулаты, то в руках у него оказывается ценный инструментарий. Исходя из сказанного, можно заключить, что *восприятие художником монашества — и есть восприятие им собственно Православия*, сознает ли он сам это или нет. Поэтому анализ характера и особенностей воплощения именно монастырских тем, отражения монастырской культуры является адекватным и эффективным мерилom в освещении общей темы «Православие и культура».

Изображая *мирянина*, художник может декларировать его принадлежность к тому или иному вероисповеданию, но никак не коснуться ни внутренних, ни внешних проявлений его религиозности. Но не может избежать этого при обращении к образам *монашествующих*, если только специально не задается целью создать пасквиль или карикатуру. Ведь единственное делание монаха — возрастание в аскетическом подвиге. Трактовка писателем монашества в соответствии со своим миропониманием — как раз и дает возможность постичь самую сердцевину творческой индивидуальности художника, творимого им художественного мира в аспекте онтологическом.

В рамках темы «монашество и литература» можно отметить несколько исследовательских направлений.

1. *Общенье писателей и монашествующих.*

В отношении XIX века эта тема достаточно хорошо проработана, описаны и проанализированы многообразные связи, например, оптинского старчества с художниками слова, публицистами. Центральные фигуры здесь — Гоголь, Киреевские, К. Н. Леонтьев, Вл. Соловьев, Достоевский, Л. Толстой. Не забудем и встречи

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 113.

юного И. С. Шмелева со старцем Варнавой Гефсиманским, который благословил его на писательский путь.

2. *Путь творческой личности к монашеству.*

Известны случаи, когда литераторы, достигшие уже известности на литературном поприще, становились монахами. В XIX в., пожалуй, самый яркий пример — Константин Леонтьев (монах Климент). Среди фигур XX в. — поэт Д. А. Шаховской (принявший иночество на Афоне, впоследствии епископ Сан-Францисский), поэтесса Е. Ю. Кузьмина-Караваева (монахиня Мария). Пример из недавних лет — поэт, прозаик, литературовед В. В. Афанасьев, приняв в конце 1990-х монашеский постриг с именем Лазарь, успешно продолжает литературное творчество.

Достоин осмысления путь художника в монастырь, даже если он и не закончился постригом. Так, Гоголь мечтал поселиться в Оптиной пустыни, задумывался о принятии иноческого образа, в последние годы жизни собирался на Афон. Иван Шмелев стремился погрузиться в монастырскую атмосферу, чтобы в ней черпать духовные силы для завершения романа «Пути небесные». Оба писателя искали в монастыре не только возможность личного спасения, но удобнее место для творчества, именно в обители намеревались они завершить свои главные книги, воплотить в художественном слове путь духовного воскресения человека.

3. Наряду с *монашеством художников*, реальным или потенциальным, существует и *художество монашествующих*. Их святыми покровителями является, конечно, сонм гимнотворцев, начиная с Иоанна Дамаскина. Это направление активно исследуется в стенах Пушкинского Дома. Ряд статей и монографий посвящены личностям игумена Антония (Бочкова) — замечательного духовного писателя и подвижника благочестия XIX века игумена Антония (Бочкова),⁴ монахини-поэтессы Марии (в миру Елизавета Шахова),⁵ преп. Макария (Глухарева), схимонаха Сергия (Веснина, 1814—1853), известного под псевдонимом Святогорец и др.

⁴ Дон-Кихот русского монашества: Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова) (1803—1872): Исслед. и публикации / Сост. Е. М. Аксененко, иеродиак. Антоний (Козин). СПб., 2010.

⁵ Аксененко Е. М. Духовное водительство святителем Игнатием Брянчаниновым монахов-литераторов (на примере творчества монахини Марии (Елизаветы Шаховой)) // Духовное наследие святителя Игнатия Брянчанинова: Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений. Вып. I. Ставрополь, 2012. С. 3—23.

4. Русская классика в оценках и восприятии монашества.

Известен классический диалог в стихах митрополита Московского Филарета и Пушкина — в символическом виде этот разговор даже изображен на одном из клейм житийной иконы святителя Филарета.

Оставил свои строгие слова о творчестве и святитель Игнатий Брянчанинов.⁶ Сам нечуждый поэзии, автор замечательных эссе, он судил литературу в целом снисходительно, пока речь касалась вещей нейтральных — описаний природы, например. Но когда речь заходила о попытках отражения духовной реальности — становился беспощаден: «Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы!»⁷ Точные и емкие суждения о предмете святитель изложил в работе «Христианский пастырь и христианин-художник», где Владыка намечает пути, на которых возможно соединение понятий «христианин» и «художник», призывает творческую личность к очищению души, к святости — «тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято».⁸ Известен и его глубокий отзыв о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя.

До нас дошли краткие, но чрезвычайно важные суждения оптинских старцев. В частности, слова преп. Амвросия о двух столпах светской словесности — Достоевском («это кающийся») и Толстом («горд очень»).

Преп. Варсонофий Оптинский живо интересовался литературой и не раз рассуждал о ней. Так, замечательный образ он привел в беседе с духовными детьми 30 мая 1910 г.: «Огромное большинство наших лучших художников и писателей можно сравнить с людьми, пришедшими в церковь, когда служба уже началась и храм полон народа. Встали такие люди у входа, войти трудно, да они и не употребляют для этого усилий. Кое-что из богослужения доносится и сюда: „Херувимская песнь“, „Тебе поем“, „Господи помилуй“; так постояли, постояли и ушли, не побывав в самом храме. Так поэты и художники толпились у врат Царства Небесного, но не вошли в него. А между тем, как много было дано им средств для входа

⁶ Подробнее см.: Любомудров А. М. Святитель Игнатий и проблема творчества // *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полн. собр. творений. М., 2002. Т. IV. С. 514—523.

⁷ Собрание писем Святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского. М.; СПб., 1995. С. 324—325.

⁸ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полн. собр. творений. Т. IV. С. 506.

туда! Души их, как динамит, вспыхивали от малейшей искры, но, к сожалению, они эту искру не раздували, и она погасла».⁹ Сколь точен и выразителен этот анализ взаимоотношений светской секулярной культуры Нового времени и православной церкви.

В этом контексте уместно вспомнить также пронизательные очерки и эссе о русской культуре и литературе архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского).

5. Монашество глазами писателей.

Может ли писатель-мирянин художественно запечатлеть образ иноческий, отобразить суть монашеского делания? Как писатель видит инока? Понимает ли он его служение? Его мотивы, приведшие к постригу, его мироотношение — здесь это слово очень важно, учитывая обеты отречения от мира. Существуют ли границы этого понимания? Выяснение этих вопросов и является задачей настоящей работы. Уточним: нас будет интересовать отражение монастырской культуры именно в художественных текстах. Обратимся к знаковым явлениям русской классики, чтобы проследить эволюцию этой темы.

* * *

В древнерусской литературе, сотериологической в своих основах, монашество находилось в центре внимания. В первую очередь с ним связаны агиография и гимнография той поры. Большинство русских святых средневековья — преподобные. В житиях, канонах, позже — акафистах раскрывался смысл их подвигов, запечатлевались некоторые черты личности, характера, биографии — при постоянной соотнесенности с их небесным служением.

Едва зародившись, собственно мирская литература недвусмысленно обозначила свою позицию по отношению к иночеству. В переводах западной новеллистики эпохи Возрождения, проникавших в Россию в XVII в., в подражаниях им неизвестных русских авторов общим местом стало мнение о лицах духовного сословия, и прежде всего монахах, как развратниках, мздоимцах и тунеядцах. С петровского времени в церкви все более начинают видеть силу косную. Так, в сатирах Кантемира церковники выглядят опасными мракобесами, препятствующими развитию науки и прогресса.

⁹ Варсонофий Оптинский, преп. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Оптиная Пустынь, 2005. С. 87.

Однако литература века XIX демонстрирует попытки преодоления такого одностороннего отношения. Какой предстает монастырская жизнь в творчестве двух крупнейших поэтов первой трети XIX в.?

Романтизм по своей сути чужероден аскетике. Образ монастыря присутствует в двух поэмах Лермонтова. Герой «Исповеди» противопоставляет свой «закон» закону монастырскому, хотя и не отрицает, что тот «рукою неба утвержден». Гордыня романтического героя поэмы «Мцыри» возвышена пафосом поэмы над презренным смирением монахов. Ему ненавистен мир «келий душевных и молитв».

В творчестве Пушкина темы монаха, монастыря претерпели знаменательную эволюцию. Как известно, среди «масок» юного поэта была и монашеская. В лицейском стихотворении «К сестре» монастырь — глухая «темница»:

Все тихо в мрачной келье:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Мечта лирического героя:
Под стол клобук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.¹⁰

Удивительно, что уже здесь, как в зерне, присутствуют важнейшие составляющие будущей драмы «Борис Годунов», в которой возникнет и тихая келья, и «расстрига», и мантия Пимена, и вериги юродивого... Постепенно эти атрибуты перестают быть для Пушкина чистой экзотикой, материалом для внешних поэтических аллегорий. Обитель в наброске 1823 г. «Вечерня отошла давно...» — место, где осуществляется напряженная внутренняя работа человеческой души. В 1829 г. «Монастырь на Казбеке» представляется поэту уже как «далекий, возжеланный брег», и точнее, кажется, не выразить самую суть устремления к монашеству: *скрыться в соседство Бога*.

Клобук он уже не мечет «под стол», а на одном из рисунков примеряет на себя. Колокольный перезвон становится для него «звуком родным», Святогорская обитель — «милым пределом»...

¹⁰ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1936. Т. 1. С. 116, 118.

Игривое юношеское признание «Знай, Наталья! — я... монах!» в контексте последующего творчества обретает провиденциальный смысл. Фигура *чернеца* оказывается в чем-то родственной фигуре *поэта*, стремящегося «совершенно отказаться от своего образа мыслей», с тем чтобы, «вполне предавшись независимому вдохновению, уединясь в своем труде»,¹¹ служить высокой цели. Личность инок-летописца становится близкой натуре художника, откликающегося на все явления действительности. В трагедии «Борис Годунов» именно Пимен в суете и борении земных страстей прозревает надмирную, надличностную правду. Столь духовно совершенный образ православного инок, пожалуй, вряд ли можно отыскать во всей отечественной словесности. Как и в других сферах, Пушкин опережал свое время в постижении православной культуры, истории русского Средневековья, что видно и в его публицистике, и в критике.

Позже Ф. М. Достоевский замечал: «О типе русского инок-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтобы указать всю важность и все значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в Русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного перед нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей...»¹²

Пушкинский Летописец стал символом православной монастырской культуры, символом эпохи русского Средневековья, вообразившим ее сущностные, самые высокие черты:

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний...
...Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привел.

Однако в целом на протяжении всего Нового времени в светской культуре преобладало восприятие монашеского аскетизма как хронического недуга, психопатического явления. В 1872 г. Леонтьев цитировал присланное ему письмо типичного представителя

¹¹ Там же. Т. 1. С. 88; Т. 5. С. 50; Т. 6. С. 150.

¹² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 144.

образованного общества «о том, что в наше время монахом может стать только идиот или мошенник...»¹³

В русской прозе на протяжении многих десятилетий инок как персонаж художественного произведения оставался явлением исключительным. Показателен пример Гоголя, человека глубоко воцерковленного, чья духовная судьба оказалась тесно переплетена с центром русского иночества — Оптиной пустыней, и который, тем не менее, не создал в художественном творчестве образов не только иноков, но и воцерковленных мирян. Выяснению причин, почему же его «художественный аппарат» оказался неадекватен этой задаче, посвящено множество работ.

В романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» желание Лизы посвятить себя Богу, принять постриг вызывает однозначную реакцию домашних: «больна, бредит... надо послать за доктором». Сокровенная внутренняя ее жизнь героини остается тайной («Что-то было в Лизе, куда он проникнуть не мог»).

Правда и цельность характера Лизы — в том, что ей с детства был присущ монашеский настрой. Ее кредо: «Все в Божьей власти», ее глубокая убежденность: «счастье зависит не от нас, а от Бога»; «она любила одного Бога восторженно, робко, нежно». Историю неудавшейся любви к Лаврецкому она сразу же осознает как наказание. Характерно, что Лиза уходит в монастырь не из-за банальной «несчастной любви». Главное ее побуждение подлинно христианское: «я молилась, я просила совета у Бога... <...> Я всё знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю всё. Всё это отмолить, отмолить надо».¹⁴

Лиза остается неким феноменом, привлекательным, но внутренне неблизким как для действующих лиц, так и для автора, который пытался, подчас мучительно, постичь тайну верующей души. Позиция Тургенева — недоумение, очевидная грусть при созерцании судьбы героини, ушедшей от мира. Осевыми в философии тургеневского романа являются категории «счастье / несчастье», неположные православному миропониманию. Действие Божественной

¹³ Леонтьев К. Н. Четыре письма с Афона // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 2005. Т. 7, кн. 1. С. 169. (Автором письма, как установлено О. Л. Фетисенко, был один из старших братьев писателя, В. Н. Леонтьев.)

¹⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1981. Т. 6. С. 100, 113, 140, 151.

воли в мире, присутствие Промысла в судьбах героев не актуализируется и даже не подразумевается.

Характерно стихотворение в прозе «Монах»: Тургенев признает, что у святого отшельника есть свои радости, что тому удалось уничтожить «свое ненавистное я», но сознается, что эти радости лично для него, писателя, остаются недоступными.

Показательна эволюция идейно-эстетических ценностей в творчестве Н. С. Лескова. Лесков создал несколько замечательных образов священнослужителей в «Соборях» (правда, не монашествующих), но позже все глубже разочаровывался в церкви и уходил от нее. Галерею архиереев — лиц, постриженных в монашество и посвященных в сан святительский, — Лесков воссоздает в многочисленных очерках («Мелочи архиерейской жизни», «Епархиальный суд» и др.). В нем выведены быт и характеры русского духовенства, не всегда они написаны одной лишь черной краской, но в целом духовные лица предстают в непривлекательном облике. В особой неприязни к монашескому сословию признавался сам писатель: «В доме у нас не любили черного духовенства вообще, а архиереев в особенности. Я их просто боялся...»¹⁵

Непосредственно нашей темы касается рассказ «Инженеры-бессребренники», где воссозданы образы будущего епископа Игнатия Брянчанинова и монаха Михаила (Чихачева). Кстати сказать, святитель Игнатий посвятил несколько томов своих сочинений монашескому подвигу. Уход этих людей в монастырь Лесков рассматривает лишь как бегство от жизни, что вынуждает исследователей говорить даже об «удручающе примитивном» понимании причин иноческого отречения от мира.

То же самое можно сказать и по отношению к одному из самых известных персонажей Лескова — Ивану Флягину, «очарованному страннику». В обители он оказывается только потому, что ему «дется было некуда». На вопрос, полюбил ли он монастырскую жизнь, тот откровенно отвечает: «Очень-с; очень полюбил, — здесь покойно, все равно как в полку, много сходственного, все тебе готовое: и одет, и обут, и накормлен, и начальство смотрит и повиновения спрашивает», это «повиновение» не распространяется, впрочем, на богослужения: «в церковь не хожу иначе, как разве сам пожелаю».¹⁶

¹⁵ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 399.

¹⁶ Там же. Т. 4. С. 504.

Во второй половине XIX в. с углублением секуляризации общественной жизни внимание художников все более обращается на проблемы земного устройства человека, а не его спасения в вечности. Зримым проявлением гуманизма явился идеал цивилизации, идеал «сокровищ на земле» как единственно надежной основы существования человечества. Мощным противодействием этим тенденциям явилось творчество Достоевского. Он впервые широко ввел в художественное произведение целый пласт монастырской культуры. Скит в романе «Братья Карамазовы» — важнейший сюжетный и смысловой узел. Монашество предстало не как исторический реликт, но как духовный центр мира. И впервые православный монах стал полноправным героем произведения. Образ старца Зосимы сделался символом русского иночества.

На протяжении десятилетий, вплоть до настоящего времени, многие судят о русском монашестве именно по роману Достоевского. Хотя, конечно, воссоздание *духовной* стороны иночества вызывает ряд вопросов. При всем том, что в «Братьях Карамазовых» много верного сказано о старчестве теоретически (в авторских отступлениях), известно и суждение К. Леонтьева: «...монахи говорят не совсем то или, точнее выражаясь, совсем не то, что в действительности говорят *очень хорошие* монахи <...> тут как-то мало говорится о богослужении, о монастырских послушаниях; ни одной церковной службы, ни одного молебна... *Отшельник и строгий постник*, Ферапонт <...> *почему-то* изображен неблагоприятно и насмешливо».¹⁷ Леонтьев полагал, что в романе слабо выражены именно мистические чувства героев. Зосима — умудренный жизнью человек, тонкий психолог, очень добрый, но весьма далекий от известного каждому верующему образа старца. Ведь подлинный старец — прежде всего духовный руководитель, живущий в Духе Святом и сам руководимый Им. Нельзя не согласиться с В. Ю. Малягиным, утверждающим, что и в «Бесах» (глава «У Тихона»), и в «Братьях Карамазовых» «„старец“ Достоевского слишком восторжен по любому поводу, слишком занят пониманием мира и людской психологии, он даже как бы несколько душевно расслаблен».¹⁸

¹⁷ Леонтьев К. Н. О всемирной любви // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2014. Т. 9. С. 208.

¹⁸ Малягин В. Достоевский и Церковь // Ф. М. Достоевский и православие. М., 1997. С. 27—28.

Тем не менее образы монастыря и монаха, созданные Достоевским, оказали мощное влияние на последующую русскую культуру. Художники ощущали ауру, порождаемую этими образами, и неизбежно входили в соприкосновение с ней. Но практически всегда — чтобы оспорить, опровергнуть художественными средствами, снизить неожиданно вознесенный гением Достоевского на небывалую высоту образ. Так, в созданной через 11 лет после «Братьев Карамазовых» повести «Отец Сергей» (1891) причину «потухания Божеского света истины» Толстой усматривает в самом монастырском существовании. После своего падения о. Сергей порывает с обителью и возвращается в мир, где и обретает Бога, которого не находил в монастыре. Очевидно, что Толстой передал персонажу собственные душевные проблемы. С. Н. Булгаков писал: «Совершенно ясно, что в образе о. Сергия нет ничего общего с теми образами старцев, с которыми сроднилась русская народная душа (...) Здесь не Оптиная пустынь, но Ясная Поляна, и через мантию монаха здесь слишком просвечивается известная всем блуза (...) При всей православной внешности о. Сергия из него удалены все действительные элементы православного старчества, и нетрудно понять, как много прямо автобиографического вложено в эту повесть».¹⁹

В аспекте нашей темы творчество А. П. Чехова существенно отличается от традиции, сложившейся в предшествующее столетие. Это касается прежде всего отношения к священству. Хотя и у Чехова можно найти строки, обличающие нерадивых клириков, но в целом отношение писателя к духовенству — сочувственное, нередко сострадательное. Благообразны фигуры сельского священника о. Якова из рассказа «Кошмар», о. Феодора («Письмо»). Отец Христофор из «Степи» и дьякон из «Дуэли» — чистые, добросердечные души, радующиеся мирозданию, красоте творения. Образы монашествующих — смиренного и радостного послушника Иеронима, тонко чувствующего поэзию акафистов, а также ласкового и тихого иеродьякона Николая, «с мягкими, кроткими и грустными чертами лица» — воссозданы в рассказе «Святой ночью» (1886). Такие типажи совсем не характерны для русской литературы конца XIX века. Заметим, однако, что Чехов рисует их именно человеческие черты и душевные дарования. Монашеский подвиг как таковой не является предметом художественного

¹⁹ Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 488.

описания. Это же относится и к одному из самых совершенных в художественном отношении произведений Чехова, посвященных духовному сословию, — рассказу «Архиерей» (1902).

Свой отзыв об этом рассказе оставил архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Его мнение интересно вдвойне: с одной стороны, он сам был поэтом, критиком, ценителем художественного творчества, с другой стороны, имел архиерейский сан и мог судить о служении архипастыря не понаслышке. Полемизируя с Б. Н. Зайцевым, он писал ему: «„Архиерей“ сделан как-то *очень* для меня *чуждо*. Ни одной черточки нет в нем близкой, в строе его переживаний <...>. Это, конечно, не „старец“ Толстого, не „Отец Сергей“; но в чем-то подобен ему. *Прямого опыта религиозного не раскрывается в нем*. Он весь в плане „психологическом“, „душевно-м“. И неудача рассказа в том именно, что хороший человек выведен. Будь он не „положителен“, как тип, была бы более оправдана его религиозная бесхребетность духовная, безжизненность».²⁰

Сложна и своеобразна религиозная философия Бунина. По словам Ивана Ильина, «Когда Бунин или его герои говорят о „боге“, то не следует разумеать христианского Бога или хотя бы благого Бога... Обычно этот „бог“ страшный, темный, загадочный, причастный началу язычески-инстинктивному».²¹

В рассказе Бунина «Аглая» (1916) монахиня, отрекшись от любви земной, вверяет себя в полное послушание некоему старцу, по повелению которого даже принимает кончину. И монашество, и старчество обретают под пером писателя уродливо-извращенный вид. Последние слова псевдо-подвижницы перед смертью — покаяние перед «матерью-землей», перед которой она «согрешила душой и телом», уйдя в монастырь.

Много лет спустя Бунин вновь живописал историю ухода в монастырь — имеется в виду один из шедевров великого мастера слова, рассказ «Чистый понедельник». Вновь дадим слово самим монашествующим, чтобы понять, как они воспринимают эту историю: «...красавица восточного типа завораживает кавалера роскошными туалетами и эксцентричными выходками в декадентском стиле Серебряного века; задумчиво молчит, изъясняется загадками; наконец, в ночь на Чистый понедельник, после изысканного обеда в шикарном ресторане, совершает запланированное падение,

²⁰ Цит. по: Зайцев Б. К. Собр. соч.: (В 10 т.). Т. 7. М., 2000. С. 431.

²¹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. 1. С. 263.

а утром исчезает... оказывается, в монастырь; в том роде и состояла тайна ее. Для тонкого мастера, каков Бунин, столь пошлый по ложности мотивировок вымысел можно объяснить лишь отсутствием всякого понятия о путях и поводах к монашеству».²²

«Праведники — ублюдки от соития порока с добродетелью» — такова была позиция Горького. Духовно здоровые люди вызывали у него неприязнь. Писатель отыскивал «свинцовые мерзости жизни» даже там, где присутствовала святость и чистота. В рассказе «У схимника» (1896) стружки, приставшие к одежде подвижника, видятся писателю «как большие желтые черви на полуистлевшем трупе».²³

«Исповедь» (1908) — кульминация так называемого богоискательства Горького. Герой повести в монастыре встречает злобу, зависть, разврат. Схимник, к которому он обратился за советом, оказался трусливым и жадным стариком, монах Антоний — пьяницей и развратником. Обитель предстает как место, где торгуют «землею и словом Божиим».

Духовные лица появляются и в поздних пьесах Горького, где так же неизменно компрометируются. В пьесе «Егор Булычов и другие» (1932) монастырская послушница Таисья желает, чтобы все люди «изгрызли, истерзали друг друга»; игуменья Мелания — «купчиха, дисконтерша, ростовщица... вообще — гадина!». Все религиозные истины, произносимые служителями Церкви, заранее опорочены.

Темы монашеской святости, православных святынь и обителей, образы подвижников древности и современности встречаются в духовной беллетристике XIX — начала XX в. Воссозданы они с любовью и пониманием предмета. Авторы — А. Муравьев, А. Норов, С. Снеессорева, Е. Поселянин, С. Нилус и другие — воцерковленные люди, причастные миру православия, воспринимающие его не внешним образом. Эта литература носила преимущественно очерковый, документальный характер. Но в произведениях собственно художественных жанров — романах, повестях, рассказах, поэмах воссоздание образов персонажей, имеющих монашеский сан, продолжало оставаться, мягко говоря, неадекватным.

²² *Феофила (Лепешинская), игум.* Плач третьей птицы: Размышления о современном монашестве. М., 2013. С. 20—21.

²³ *Горький М.* Полн. собр. соч.: В 25 т. М., 1969. Т. 2. С. 404.

Творчество писателей Серебряного века отличалось эстетической утонченностью и вместе с тем увлеченностью темными, оккультными началами, нецерковной мистикой. Интеллигенция искала пути обновления религии и христианства. Литература Серебряного века, занятая поисками «Третьего завета», впадавшая в религиозный модернизм, прославлявшая добро и зло, конечно, не могла заинтересоваться красотой монашеского идеала. И прошла мимо него.

Редкое исключение — стихотворение А. Блока «Ветер стих, и слава заревая...» (1914). Это проникновенное размышление о пути мирском и монашеском. В своем странствии лирический герой встречает схимника, и в нем рождается мечта:

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалика.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..

Созерцание инока, отрекшегося от жизни земной ради небесной, тоска по Истине — все это оказывается удивительно близким и православному сознанию.

Глубинные корни иноческого жития остались неизвестными и для художников-реалистов. В литературе начала XX в. преобладало отношение к монашеству как мрачному, убивающему живую душу институту, а к монахам — как к лицемерным и сластолюбивым типам. А. Е. Новоселов в повести с характерным названием «Мирская» (1919) рисовал уход героини в монастырь как поражение ее страстной натуры, как бегство вследствие несчастной любви. В произведениях И. Ф. Каллиникова (роман «Мощи», «Бобры», драма «Монастырские женщины») жизнь монашества рисовалась в темных тонах, исполненная страстей, злобы и пороков.

Такое восприятие естественным образом перешло и в творчество пореволюционной России. Один из показательных примеров — роман Л. Леонова «Соть» (1930), где монашеский скит предстает как скопище нравственно и физически ущербных личностей, как гниющая язва на теле России, подлежащая несомненному искоренению. Конечно, произведение Леонова не было поверхностным антирелигиозным плакатом, но отражало выношенную идею писателя об исторической исчерпанности православия. Леонов, испытывавший огромный интерес к Достоевскому, постоянно вел

с ним полемический диалог, и скит в «Соти» стал антиподом знаменитого скита из «Братьев Карамазовых».

Определенный поворот в развитии темы монашества наметился лишь в середине 1960-х гг., когда вместе с растущим интересом к отечественным культурным и духовным традициям появилось внимание к элементам церковной культуры. Этому содействовало созданное в те годы Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Мир Древней Руси открывался, например, в книгах В. Солоухина («Владимирские проселки», «Черные доски»), в критике и публицистике тех лет. Монастыри и храмы, летописи и жития святых, иконы и церковное пение обрели в общественном сознании эстетическую и культурную ценность. Поначалу их подлинное духовное значение оставалось постигнутым не до конца. Для некоторых художников их эстетическая сторона так и осталась высшей ценностью. Для других они стали символами национального достоинства, неотъемлемыми атрибутами народного мировосприятия. Но для некоторых — вехами на пути постижения православия, глубокого и последовательного приобщения к вере.

Когда в 1990-е гг. был опубликован немалый массив «возвращенной» отечественной литературы, которая, касаясь запретных тем, не могла прежде появиться в печати, выяснилось, что темы христианства и православия, а тем более монашества занимают в ней совсем небольшое место. Из общей массы выделяются особенно тонким, сердечно-бережным и в то же время глубоким постижением связи земного с небесным дневниковые записи Б. Шергина. Из них видно, что каждый день для художника был наполнен таинственной связью с церковным кругом богослужений, с памятью святых и православными праздниками.

В эпоху перестройки возникло немало конъюнктурных и поверхностных произведений, в которых религиозная символика и образность использовалась для решения злободневных политических и социальных целей. Та легкость, с которой художники вводили в свои романы и повести образ Спасителя и оперировали Его именем, приспосабливая его к своим собственным рассуждениям, претендующим на философскую глубину, говорит об удаленности от подлинной христианской проблематики.

Мир средневекового монашества в эти годы оказался достаточно широко отражен в цикле романов исторического романиста Д. Балашова «Государи Московские» (1988—1997). На его страницах

получили воплощение образы многих святых подвижников, иноков и митрополитов, многие явления именно духовной жизни Русского государства XIV—XV веков — таких как исихастское движение, храмоздательство, иконопись. В то же время само понятие святости Балашов рассматривал вне православных традиций. Единственным подлинно святым выступает в его книгах преп. Сергей Радонежский, который противопоставлен всей «земле» как некий исключительный «спаситель». Его чудотворения описываются как проявление сверхчувственных способностей духовно тонкого человека, а не как дар Божественной благодати.

Итак, рассмотрев интересующий нас аспект в литературе последних трех столетий, можно резюмировать: темы православной, и в частности монастырской, культуры оставались на периферии творческого интереса русской классической литературы Нового времени. Они не оказали сколько-нибудь заметного влияния ни на сюжеты, ни на проблематику произведений. Возникали лишь эпизодически — часто как объект сатиры и обличения и почти всегда — с внутренним неприятием автора. Смысл монашеского делания, послушания, старчества оставался закрытым для художника. За редчайшими исключениями, литература не явила персонажа, побудительной причиной к уходу в монастырь у которого была бы любовь к Богу, ни одного образа аскета, в основе подвигов которого лежало бы стремление к смирению, покаянию и очищению от грехов — а не какая-либо внешняя мирская причина. Как ни странно, но даже те писатели, чьи судьбы очень тесно переплелись с духовной жизнью русских обитателей (как, например, Гоголь, Леонтьев, многие из славянофилов) и в чьих письмах и дневниках мы находим глубокое понимание монашества, не оставили картин духовного подвижничества в своих литературных творениях. Впрочем, Леонтьев задумывал написать роман «Святогорские отшельники» (продолжение романа «Две избранницы»). Главный герой, офицер, должен был в результате духовных поисков прийти на Афон и, возможно, принять монашеский постриг. Замысел остался нереализованным.²⁴

От литературы метрополии обратимся к русскому зарубежью. Именно в России зарубежной совершилось событие, значение которого трудно переоценить: русская художественная литература,

²⁴ Благодарю О. Л. Фетисенко, сообщившую эти сведения.

светская по духу, открыла мир русского православия. Нужны были потрясения революционных лет, тяготы изгнанничества, чтобы художники, навсегда разлученные с родиной земной, обрели родину духовную — Святую Русь. Их было немного. Среди классиков — Борис Зайцев и Иван Шмелев. Только их без оговорок можно называть *православными писателями* — и по личному мировоззрению, и по содержанию художественного предмета.

Их творчество оказалось пропитано атмосферой монашества, погружено в нее. Практически все главные произведения художников зрелого периода отражают те или иные стороны монастырской жизни. Впервые монашество предстало в светской литературе не как экзотический материал, не как маргинальное явление, но как духовная ось мира. Они развеяли мифы о монашестве, выявили истинное лицо православной духовности и показали, что иночество — путь преобразования человеческой природы, обретения подлинной цельности, раскрытия всех духовных сил человека.

В личности Зайцева изначально присутствовали черты православного аскета-подвижника, современники определяли его как «блаженный», «тишайший», «писатель-праведник»... Зайцева действительно можно назвать писателем-«иноком», который по мере сил стремился воплотить красоту мира горного. Стиль зайцевской прозы, исполненной умиротворенных интонаций, певуче-музыкальной и ритмизованной, оказался адекватен отражению православного монашеского мировоззрения.

Зайцев проявляет интерес к личностям великих русских подвижников-инок, к святыням русского православия, главнейшими из которых всегда были монастыри. В эмиграции писатель открывает «Россию Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, не увидел бы и никогда».²⁵ Это — жизнеописание преподобного Сергия Радонежского, очерки о преподобных Серафиме Саровском, Святейшем Патриархе Тихоне, заметки о монастырях — Оптиной Пустыни, обители «Нечаянная Радость» и Сергиевом подворье во Франции.

Зайцев совершил паломничества на Афон и Валаам, о которых написал замечательные книги. В романе «Дом в Пасси» центральной фигурой, несущей основную смысловую и сюжетную нагрузку, является монах Мелхиседек.

²⁵ Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 2000. Т. 9. С. 17.

Один из лучших рассказов XX в., «Река времен» (1964), непосредственно посвящен инокам. Он отмечен художественным совершенством, отточенностью стиля. Зайцев рисует два монашеских типа, у каждого из которых — свои достоинства и свои немощи. Архимандрит Савватий — человек неколебимой и простой веры. Он монах «кондовый, коренной», из народа, всегда бодр и весел, бесхитростно мечтает о епископской митре. Архимандрит Андроник интеллигентен, у него душа ученого и художника, тонко чувствующего поэзию мира (прототипом для образа послужил архимандрит Киприан Керн).

Если повествование о монахах стало последним художественным произведением Зайцева, то Иван Шмелев начал свой творческий путь книгой о монастыре — «На скалах Валаама» (1897). Впоследствии он осмыслил эту поездку как важнейшее событие биографии, определившее его судьбу как писателя: «Связал меня Валаам с собой... Тогда подумалось: а зачем мы приехали?... И вот, определилось, что — *за чем-то*, что было *надо*, что стало целью и содержанием всей жизни».²⁶

По пути на остров Шмелев, по настоянию молодой супруги, заехал благословиться у преп. Варнавы Гефсиманского. Всмотревшись в юношу, старец положил руку ему на голову и раздумчиво произнес: «Превознесешь своим талантом». Слова эти стали и пророчеством, и благословением, указанием пути.

История взаимоотношений русских писателей и старцев связана в нашем представлении прежде всего с Оптиной пустынью. Однако и Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры сыграл известную роль в судьбах нескольких литераторов. Так, преподобный Амвросий Оптинский благословил Леонтьева (в монашестве Климента) поселиться вблизи Гефсиманского скита и жить под руководством о. Варнавы, который и принял у Леонтьева последнюю исповедь перед кончиной. Могилы Леонтьева и В. В. Розанова в Гефсиманском скиту находятся неподалеку от собора, где ныне покоятся мощи преподобного. Духовным сыном старца Варнавы был до начала 1890-х годов и Вл. Соловьев, но затем — случай редчайший и тем более впечатляющий в практике старчества — он был удален старцем со словами: «Исповедуйся у своих ксендзов».²⁷

²⁶ Шмелев И. С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1998. Т. 2. С. 411.

²⁷ Жизнь во славу Божию: Труды и подвиги старца Гефсиманского скита Варнавы (1831—1906). (Сергиев Посад), 1991. С. 44—45.

Две встречи И. С. Шмелева со старцем Варнавой (в детстве и юности), его облик запечатлены писателем в очерке «У старца Варнавы» и повести «Богомолье». Главное, что остается в «сердечной памяти» об о. Варнаве — его любовь к человеку как ответ божественной любви к своим созданиям.

Духовный путь Шмелева был гораздо более сложным и драматичным, чем у Зайцева. Но результатом его творческих исканий стали также книги о монашествующих, о монастырях. Проникновенны очерки Шмелева «У старца Варнавы», «Подвижники» (о братии монастыря св. Иова Почаевского в Карпатах), рассказы «Куликово поле» (о явлении преп. Сергия Радонежского в 1925 г.) и «Милость преп. Серафима» (о чудесном исцелении самого писателя), очерк «Старый Валаам» (где Шмелев, вспоминая юношескую поездку на остров, открывает теперь глубинную суть монашеского подвига).

Лучшее, на наш взгляд, в русской литературе описание православного паломничества в монастырь — повесть «Богомолье». В образах паломников предстает вся верующая Россия: кто-то идет к преподобному Сергию и батюшке Варнаве Гефсиманскому за исцелением физических недугов, кто-то — за указанием жизненного пути, но общая цель паломников — излечить, укрепить душу, «подышать святостью». Кульминация книги — и главная цель поездки — благословение у старца Варнавы, воссозданное Шмелевым с признательной любовью. Он показал, каким было старческое служение подвижника, описал его труды и деятельную любовь, изливавшуюся на всех, кто приходил к нему за советом и утешением.

Роман «Пути небесные» — уникальное явление в русской литературе. В нем показана жизнь человеческой души, руководимой божественным Промыслом и ведущей «духовную брань» с силами зла. Героиня романа, Даринька — сирота, с детства воспитывавшаяся в строгой церковной дисциплине, ставшая послушницей Страстного монастыря в Москве. Главный герой, Виктор Вейденгаммер, в соответствии с биографией своего прототипа, должен был закончить свои дни оптинским монахом. В основе раскрытия судеб и характеров героев лежит святоотеческая духовная культура, православное аскетическое мировоззрение — те традиции, которые оставались чуждыми для секуляризованной светской культуры XIX—XX вв. Весь художественный мир «Путей небесных» пронизан атмосферой монастырской жизни, ориентирован на нее.

Но, конечно, идеалом отражения монашества назвать этот роман затруднительно. Читатель вслед за автором, очарованный обаянием и смирением Дариньки, склонен забыть, что она все же беглая послушница, пребывающая в грехе незаконного сожителства; во втором томе ей приданы черты почти святой. А в третьем, ненаписанном, томе романа Шмелев предполагал вывести образ преп. Амвросия Оптинского. Судя по сохранившимся записям Шмелева, этот старец должен был выступить носителем идей... Владимира Соловьева (чья философия оказывала все большее влияние на концепцию романа).

Примечательно, что Шмелев дважды намеревался покинуть Париж, чтобы поселиться вблизи православной обители и там, погружаясь в монастырскую атмосферу, черпать духовные силы для завершения «Путей небесных». Символично, что скончался писатель в монастыре, на руках у русских монахинь, в день именин преп. Варнавы, своего незримого руководителя.

Образы иноков, жизнь обителей возникает в повестях и рассказах Л. Ф. Зурова, лирических миниатюрах В. А. Никифорова-Волгина, стихах С. С. Бехтеева, очерковых книгах В. А. Маевского и других представителей православного русского зарубежья. Эти художники доказали, что художественная литература может быть православной, не утрачивая качества подлинной художественности.

Востребован ли этот опыт в XXI в.?

Русская традиционная проза на рубеже XX—XXI вв. приходит к более глубокому, внутреннему усвоению христианской духовности. Возродился, например, литературный жанр, совершенно исчезнувший в советскую эпоху, — «хождение», снова стало актуальным понятие «писатель-паломник». Русские писатели (В. Распутин, В. Крупин, В. Белов, С. Лыкошин, Ю. Лощиц, А. Сегень и др.) пишут очерки о своих паломничествах, в том числе в святые обители, среди которых Афон и Валаам.²⁸

Возникло новое явление: проза лиц, имеющих священный сан, так называемая «иерейская проза». Это повести и рассказы протоиереев Саввы Михалевича, Николая Агафонова, Андрея Ткачева, Александра Коротаева, Владимира Чугунова, священников Яро-

²⁸ См. подробнее: Любомудров А. М. Традиция христианского паломничества в современной русской словесности // Теория традиции: христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 306—326.

слава Шипова, Александра Дьяченко, Алексия Мороза и других. Их творчеству посвящена, в частности, диссертация С. М. Червоненко. Одной из задач этого исследователя стало рассмотрение созданных прозаиками образов монахов.²⁹

В рамках нашей темы представляет интерес книга архимандрита (ныне епископа) Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» (2011), сразу по выходе ставшая бестселлером и переведенная на 12 языков. Это новое явление в нашей словесности — книга монаха о монашестве, здесь иноки увиденны взглядом не просто художника, но художника-инока.

Главы книги приближаются по жанрам к рассказам, напоминают и жития, и притчи, и житейские истории. Автор обладает несомненным писательским дарованием. Сборник историй об обращении студента ВГИКа в Православие, его уходе в монастырь, о жизни среди монахов-подвижников написан легко и увлекательно, что объясняет его феноменальный успех (тираж более миллиона экземпляров). Интересно, что книга воспринимается совершенно по-разному людьми воцерковленными, для которых описанное, в общем, не новость, и людьми «внешними», для которых она стала открытием нового материка; светским читателем мир монашества воспринимается как экзотика, замешанная на «мистике».

Монашествующие всё чаще берутся за перо. Игуменья Феофила (Лепешинская), настоятельница Богородице-Рождественской девичьей пустыни Калужской епархии, становится сегодня известной православной писательницей. Ее книга «Плач третьей птицы» (2013) — своеобразная параллель «Несвятых святым» отца Тихона: если монах описывает монастырь мужской, то монахиня показывает мир монашества женского; она также обращается к церковным и малоцерковным, верующим и неверующим людям.

Задача книги — показать монашество с разных точек зрения, выявить красоту и глубину монашеского служения. Игуменья рассказывает о современном иночестве, его многообразных проблемах, иллюстрируя их примерами из жизни, которые обретают характер вставных новелл. Размышляет о сущности монашеских обетов,

²⁹ Червоненко С. М. 1) Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990—2000-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 2013; 2) Образ монаха в современной прозе малых жанров // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2013. № 1. С. 54—58.

о духовном возрастании личности, о смирении и молитве. Автор обладает зорким и тонким взглядом на современное состояние этого духовного сословия, ее стиль отличается изысканностью, изяществом, тонким юмором. Восприятию монашества русской литературой, светским общественным сознанием XIX — начала XX в. посвящена весьма содержательная глава книги, озаглавленная началом пословицы: «Монах не кот...».

Итак, на наших глазах рождается новое направление русской литературы: по аналогии с прозой городской, деревенской, фронтовой и уже состоявшейся иерейской его можно определить как *монастырская проза*. В художественном освоении русской литературой темы монашества открываются новые страницы, а в ее изучении — новые перспективы.